

ВСЕ ХОРОШО. НОЯБРЬ

ВАЛЕРИЯ КРУТОВА

Родилась в 1988 году. Получила юридическое образование, работает специалистом по информационной безопасности.

Участник 18-го и 19-го Форумов молодых писателей, организованных Фондом социально-экономических и интеллектуальных программ.

Слова, как правило, причины. Причины для сотен ненужных и пагубных действий. Слова заставляют нас бить, ломать, плакать, бежать, и нет возможности остановить все это. Разве что... умолкнуть? Всем миром умолкнуть. Но нет возможности заткнуть рты всем на этой планете.

Здесь каждому слишком плохо, и каждый старается показать, что все – все-таки – хорошо. Непонятно зачем, если можно просто впасть в уныние всем миром и принять это – как данность. Как абсолютно нормальный и здоровый способ жить. Ведь мы же приняли притворство и наигранность. Тогда мир погружится в тишину, потому что грустные люди не имеют необходимости говорить. Им хорошо наедине с собой и своими переживаниями.

Осень прекрасна, она оголяет все вокруг нас, сидит с деревьев шелест. Они обнажаются и стоят, стыдливо прикрывая ветками свою уязвимость, переживают – а ну какой-нибудь прохожий обломает им ветви для костра. Пообрубает то, на чем, возможно, однажды могла бы расцвести новая весна. Но ветки обломают и предадут костру. Не сейчас, так следующей осенью.

Люди обыкновенно жестоки. И прекрасны в своей уязвимой жестокости. Они беспечны до конца, и конца этому никогда не наступит. Как и людям, потому что они прекрасны еще и в своей тяге к размножению. Они надеются, что на новых ветках все-таки однажды расцветет весна.

Осенним днем один молодой офисный работник вдруг решил не ехать на службу транспортом, а пойти пешком. Решил испытать на прочность свой обмякший вертящимся креслом организм. Идти было далеко, и молодой офисный работник встал пораньше. Он мужественно проигнорировал кофемашину, вытащил яйца из холодильника и, не зная толком, что с ними делать, положил обратно, машинально поправив их так, чтобы они стояли ровным рядком, печатями в одну сторону. В холодильнике больше ничего не оказалось, и тогда он вытащил из ящика для всякой бакалеи оливки, решив, что они наверняка питательные и полезные.

Молодой офисный работник ел оливки прямо из банки, доставал их пальцами, от чего пальцы мокли – ему не пришло в голову слить жидкость. Когда он совал в рот очередную оливку – заодно и пальцы облизывал, чтобы не капала с них жидкость на пол. Он стоял и ел у окна, наблюдая, как загораются окна в доме напротив. Каждое окно – словно маленький бенефис чьей-то жизни. Маленькой жизни, обрамленной оконной рамой. В одном из окон он увидел, как девушка положила на кухонный стол малыша и начала его раздевать, сняла подгузник, отложила его прямо на подоконник, протерла малыша салфеткой попу, взяла на руки и унесла вглубь квартиры.

Дома в их жилом комплексе стояли вплотную друг к другу, между ними умещалась лишь дорога

На открытом сердце
Сережи мама оперировала
глаголами делать знать
учиться возвращаться
молчать желательно
не возникать закрыть рот
наконец Сережа закрой
ты рот уже я устала
от твоих жалоб
Мама никогда не ставила
точек в своих репликах,
потому что у мамы всегда
было, что сказать дальше.

на две полосы, а парковка была за углом. Молодой офисный работник ел пальцами оливки и смотрел на развернутый подгузник, пока в какой-то момент не обнаружил, что в банке оливок больше нет.

Он оделся, выбрал обувь поудобнее, закинул рюкзак с ноутбуком за спину и вышел из дома, проверив несколько раз, запер ли он дверь.

Утро было теплым и свежим, воздух нравился молодому офисному работнику, он ел воздух, открывая рот и отпуская потом воздух обратно носом. От этого в горле сильно запершило, и он закашлялся. Когда офисный работник был не молодым, а маленьким, мама мазала ему горло камфорным маслом. Она оборачивала слоем грубой ваты указательный палец, макала его в камфорное масло и быстрым движением засовывала его в рот, придерживая сына за макушку твердой рукой. Раздирающий рвотный позыв, омерзительный запах и рука, одновременно символизирующая материнскую любовь и намерение лишить воздуха, – мгновение удушения, животный ужас и обида. Молодой офисный работник до сих пор боялся этого каждый раз, когда першило горло. И, несмотря на это, каждые три месяца он делал ревизию в домашней аптечке и менял старый, так и не открытый бутылек с камфорным маслом на новый.

Мама говорила ему:

20

– Сережа, тебе уже двенадцать лет, ты мужчина и должен

Мама повторяла:

– Сережа, тебе уже четырнадцать лет, пора браться за голову и учиться, ты должен

Мама напоминала:

– Сережа, ты должен

На открытом сердце Сережи мама оперировала глаголами делать знать учиться возвращаться молчать желательно не возникать закрыть рот наконец Сережа закрой ты рот уже я устала от твоих жалоб

Мама никогда не ставила точек в своих репликах, потому что у мамы всегда было, что сказать дальше.

Молодой офисный работник, лишь только добрался до более или менее тихой улицы, достал телефон и набрал номер мамы.

Мама ответила:

– Сережа, почему так рано, ты должен выспаться, Сережа

– Мама, у меня все хорошо, я хочу начать вести здоровый образ жизни и решил ходить пешком на работу.

– Сережа, что за глупости, Сережа, ты должен был поставить меня в известность перед тем, как принять это решение

Мама была прекрасна в своей заботе и никогда не умолкала, потому что у нее всегда было что сказать.

– Мама, я люблю тебя, но я не должен говорить тебе о том, что решаю.

– Сережа, не кричи на маму и всегда звони мне и говори, пожалуйста, Сережа, что с тобой происходит, я же волнуюсь

Мама говорила еще долго, а молодой офисный работник все шел и шел.

Когда он дошел до офиса – через сорок минут примерно – он поднялся в кабинет начальника, который всегда приходил раньше всех и говорил, что эти все должны приходиться так же рано. Начальник был доволен тем, что молодой офисный работник пришел так рано, почти сразу после прихода его самого.

Еще начальник оценил, как молодой офисный работник учтиво, еле заметно, поклонился ему.

– Сережа, ты почему молчишь, ты должен отвечать, когда я тебя спрашиваю

Молодой офисный работник вдруг понял, что так и не отключил телефон, и мама говорила без точек.

Тогда он отключил телефон на полуслове мамы и сказал начальнику:

– Я должен уволиться, извините.

И вышел. Где-то час ему потребовался, чтобы собрать вещи, попрощаться с недоумевающими коллегами и выйти из офисного здания. Он никогда не видел, как город выглядит в будний день в районе десяти. Он и не знал, как город пахнет.

Молодой офисный работник не думал, что осень такая красивая в районе десяти утра. Когда он дошел до дома, то не сразу понял, что это его дом. Сережа глядел, знакомился, осматривал дорогу между зданиями, пытался найти окно с подгузником на подоконнике. Во дворе гуляли мамы, но ту утреннюю маму он не заметил.

Он поднялся в квартиру, разделся, снял удобную обувь и небрежно бросил рюкзак на пол, не забываясь о том, что ноутбук вообще-то может треснуть. Он достал аптечку, вату, пиалу и разделся по пояс.

Зашел в ванную комнату и сел около унитаза. Твердой рукой он отвинтил крышку бутылка с камфорным маслом, зубами вытащил пробку, сплюнул ее на пол и вылил масло в пиалу. Затем он обмотал ватой палец и обмакнул его в масло.

Сережа замер, чтобы перевести дух и глубоко вдохнуть уже воняющий камфорой воздух.

Твердой рукой он схватился за ободок унитаза, а вторую руку, с вымазанным указательным пальцем, резко засунул в горло.

Сережа блевал, размазывая выступающие слезы, и снова засовывал палец, обмакнув в камфорное масло. Минут десять он блевал оливками и водой, пока из глотки не пошла желчь, а живот не скрутило от невозможности еще хоть что-то выдать.

Сережа, не умывшись, ушел спать, игнорируя звонящий безостановочно телефон.

А на следующий день пришла зима.

*Работа над рассказом велась
в резиденции Дома творчества
Переделкино*

